

Иван ~~V~~еганаMaia Вологдин

СОСЕДИ

18+

мир за стеной

Иван VeganaMaia Вологдин

Соседи. Мир за стеной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44835500

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09117-7

Аннотация

У каждой квартиры своя история. Покупка нового жилья являлась давней мечтой доктора Евгения Орлова. И он, и его жена Оксана, мечтали о личном пространстве и комнате для сыновей. Но как быть, если зелёная дверь по соседству окажется порталом в Ночные Земли, откуда в любой момент в гости могут прийти неведомые и жуткие твари, притворяясь людьми? С исчезновением жены и детей, Орлов вынужден переступить чужой порог, отправляясь в невероятное путешествие по бесцветному пространству смерти, гнили, греха и мрака, откуда мало кто возвращался живым.

Содержание

Глава 1. Переезд	5
Глава 2. Семейный совет	21
Глава 3. Интернет помнит всё	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Для оформления обложки использовано изображение доступное по ссылке: <https://i.imgur.com/nSFbJZz.jpg> Автор неизвестен. Тип лицензии: свободное распространение.

Глава 1. Переезд

Большой, грузовой автомобиль с закрытым кузовом, с противным писком медленно сдавал назад, подстраиваясь своими солидными габаритами под небольшую площадку у подъезда девятиэтажного, кирпичного дома. Получилось не сразу – пространство двора было заставлено легковыми автомобилями, и каждое движение вперёд-назад требовало от водителя грузовика большого мастерства и сноровки.

Обеспокоенному водителю очень пригодилась помощь заказчика услуг грузоперевозки. Евгений Орлов, маячил в зеркале заднего вида, руками показывая примерное расстояние до бетонных плит и лавок, позволяя водителю более точно ориентироваться в пространстве. Операция закончилась благополучно и вскоре крупногабаритный автомобиль смог встать так, чтобы двери его фургона, выходили точно на растворённые двери подъезда.

– Хозяин! Какой этаж? – сонный грузчик азиатской внешности, спрыгнул с пассажирского сидения, разминая плечи перед работой.

Вслед за ним из кабины выпрыгнул и второй, похожий на первого работника как две капли воды – оба низкие, коренастые, сильные, самоуверенные. Это Евгений Петрович почувствовал ещё в момент первого знакомства, оформляя за-

каз на перевозку мебели.

– Вам повезло, ребята. Первый этаж, – ответил им новоиспечённый хозяин трёхкомнатной квартиры.

– Хорошо, – резко и громко, будто выдохнул начальник бригады, прибывший отдельно на чёрном автомобиле японской, престижной марки – тогда быстро дело пойдёт!

Цырен – именно так звали начальника бригады, заложив руки за спину, стоял рядом с Орловым, мало вмешиваясь в руководство процессом. Иногда, создавалось впечатление, что короткостриженому, крепкому, немолодому мужчине совершенно нет дела до того, протаранит ли автомобиль его подчинённых подъезд или нет. Это немного раздражало Евгения, но давнее, полезное знакомство с бизнесменом, вынуждало его мило поддерживать немногословную беседу.

– Да, мебели немного, – кивнул в ответ Евгений, – моя помощь здесь нужна?

– Не, – коротко мотнул головой бригадир, – Евгений Петрович – ты жди в квартире и показывай куда расставлять. Оплата по факту.

Общение на «ты» – признак давнего знакомства бизнесмена и детского терапевта частной клиники, зародилось между двумя очень непохожими людьми очень давно. Евгению Петровичу было шестнадцать, когда на секцию бокса, худой и скромный, пришёл Цырен Амгаланович Сагаан обучаться великому мастерству боя. Разница в пять лет не помешала мальчикам завести тесное, дружеское знакомство –

Орлов взял шефство над новым учеником и вёл его подготовку до того момента, пока не уехал в армию, в возрасте девятнадцати лет. После чего пути куратора и воспитанника разошлись надолго, пока вновь не сошлись воедино в тот момент, когда Евгению стукнуло полных сорок пять лет.

– Хорошо!

Женя с удовольствием оставил парней, быстро ретировавшись в собственную квартиру. Подобная поспешность объяснялась потребностью скрыться от мелкого, октябрьского дождя, в тёплом нутре собственной жилплощади.

Как же долго, Евгений Петрович, зарабатывал на просторную «трёшку»! Квартира в центре Иркутска – объект дорогой, даже с учётом того, что из всех предложенных вариантов Евгений выбирал самый дешёвый, первый этаж. Детский врач по профессии, Евгений Петрович смог заработать два миллиона тем, что в своё время, пятнадцать лет назад, молодой специалист рискнул перейти в частную клинику – одну из первых, которая стала оказывать медицинские услуги в областном центре.

Двухтысячные годы – годы расцвета Российской экономики. Орлову удалось сколотить небольшой капитал и вложить под проценты. И только в 2019 году накопилась необходимая сумма, избавив семью из четырёх человек от необходимости ютиться в скромной квартире-студии.

«Наконец-то можно будет наладить личную жизнь с Оксаной!» – Евгений мечтательно вдохнул воздух просторной

спальни, – «мальчики в одной комнате, мы с супругой – в другой. Красота! Здесь повесим телевизор. А вот здесь будет кровать. Вот только ремонт вначале нужно сделать!»

Девятиэтажный дом в центре считался элитной постройкой в семисоттысячном Иркутске. Квартиры здесь могли себе позволить разве что бизнесмены, депутаты и руководители, поэтому Евгений согласился на покупку, закрыв глаза даже на то, что сама квартира давно пришла в запущенный вид. По всей видимости, прошлый хозяин – неприятный, очень худой, чернобородый мужчина пятидесяти лет, редко жил здесь, предпочитая создавать уют в другом, неизвестном месте.

С продавцом они виделись лишь однажды, три месяца назад, быстро обговорив условия покупки недвижимости. Встретились вечером, под аркой въезда во двор, которую перекрывал самый настоящий шлагбаум, отсекая тех водителей, у которых не было личного пульта управления. В квартиру вошли как воры, бегло осмотрев пространство помещений. Договорились о цене. После чего, прочими, бюрократическими вопросами занялось известное в городе агентство недвижимости, улаживая все необходимые моменты за солидную плату.

Запустелый, внешний вид квартиры не испугал предприимчивого и деятельного Евгения. С момента первой встречи мало что поменялось. Шторы на окне – некогда белые и опрятные, но ныне жёлтые и прокуренные куски ткани, едва

прикрывали разошедшиеся, деревянные окна старого образца. Доски пола ходили ходуном и не содержали какого-либо дополнительного покрытия. Грязная, бордовая поверхность их скрывалась под несколькими миллиметрами плотной пыли, отчего от каждого шага Евгения, в воздух поднималось небольшое облачко, нещадно пощипывая нос.

Брезгливый от природы, детский врач, привыкший к чистоте, с ужасом заглянул в санузел – огромный, древний, зелёный унитаз не имел бачка и жутко пах застоялой водой. Ржавые трубы были столь изношены, что представляли собой один сплошной, коричневый потёк, пузырясь неопрятными, коричневыми блямбами по всей поверхности. Ванная комната, отделённая от санузла тонкой перегородкой, вообще была пуста, зияя чёрными провалами журчащих стоков.

– Холодно! – Евгений подул на руки, мысленно прикидывая, что на услуги ремонтников будет необходимо взять полноценный кредит в несколько сотен тысяч рублей.

– Евгений Петрович, – крикнул один из рабочих, заноса холодильник, – к вам пришли!

Старый хозяин, который был лёгок на помине. Он осторожно переступил порог, оглядываясь по сторонам. С прошлой встречи он стал выглядеть ещё хуже – жёлтое лицо, с пергаментной кожей ещё больше осунулось, являя взору Евгения Петровича огромные, тёмные мешки под глазами.

– Добрый день, Евгений Петрович, – хриплым голосом, поздоровался старый хозяин.

Он не протянул руки, прекрасно понимая своё непрезентабельное состояние. Евгений понял это и был крайне благодарен бывшему хозяину жилплощади за это.

– Добрый день Михаил Александрович, – кивком поприветствовал Женя непрошеного гостя, – вы что-то забыли? Вроде как мы подписали все документы ещё в агентстве.

– Да. Один маленький сувенир от покойной супруги, который очень дорог моему сердцу, – Михаил натужно закашлялся, явно чувствуя себя отвратительно, – он в зале. Если вы разрешите, то я заберу его. Позволите?

– Конечно, конечно, – мелко закивал Евгений Петрович, желая как можно скорее избавиться от нежелательного визитёра.

– Мне вас ждать? – Михаил отстранился в сторону, пропуская грузчиков с электрической плитой, в дверной проём.

– Зачем? – Евгений Петрович не совсем понял, что имеет виду бывший хозяин.

– Ну, как? – в свою очередь очень удивился Михаил, – вы новый хозяин и я не имею права слоняться без присмотра по вашей территории.

– Ах, вы про это! – Орлов ещё больше удивился учтивости этого мрачного персонажа, – не бойтесь, в зале нет ничего. Я завожу минимум мебели и бытовых предметов первой необходимости, для бригады ремонтников. Я и семья переберёмся сюда только с окончанием ремонтных работ.

– Разумеется, – Михаил улыбнулся, являя взору неприят-

ный ряд гнилых, серых зубов, – после моего хозяйствования, я бы на вашем месте тоже бы не переехал, пока всё не продезинфицировал.

– Вы приукрашиваете ситуацию, – поспешил проявить вежливость Евгений, мысленно же полностью соглашаясь с гостем.

– Как вам угодно, – Михаил Александрович зашаркал рваными кроссовками в сторону основного зала, намереваясь вернуть себе драгоценный предмет.

– Начальник! – отвлѣк Орлова бригадир, – шкаф, куда ребятам заносить?

– Цырен, в спальню проходите.

– Где спальня-то? – не сориентировался в расположении комнат, опытный грузчик.

– Самая крайняя комната слева от входа, – поспешил исправить свою оплошность Евгений, прекрасно понимая, что при таком нестандартном расположении комнат, легко было запутаться и хозяину.

Квартира содержала два коридора, которые были расположены по принципу развёрнутой с ног на голову, буквы «Г». При этом длинный коридор был очень широк и именно в него, прежде всего, попадал гость, входя с подъездной площадки, на которой было всего две квартиры. Маленький коридор оканчивался широкой кухней, а также имел выходы в туалет и ванную комнату, а также в небольшое, тёмное помещение без окон, которое в народе часто называют «тем-

нушкой». С кухни имелся выход на длинный, незастеклённый балкон, доступ на который преграждала старая и ржавая решётка, который в свою очередь выходил на большой и густой парк, где прочие владельцы квартир, без зазрения совести выгуливали собак, отчего запах стоял просто отвратительный.

Основной коридор содержал три двери. С левой стороны имелась небольшая, деревянная дверь в узкую спальню пенального типа, которая граничила стеной с квартирой соседей, в свою очередь две другие двери вели в зал и будущую спальню детей, при этом вовсе не имели дверных полотен. Ещё одна, узкая и неприметная дверь, преграждала путь в небольшой шкаф, встроенный в стену.

Окинув внутренним взором свои новые владения, Евгений Петрович был одновременно восхищён общей площадью квартиры и напуган объёмами предстоящих работ.

– Где наша не пропадала? – подбодрил он сам себя, выходя на балкон, – унылая пора, очей очарованье, – невольно вырвалось у него следом, в порыве восхищения от взгляда на осенний пейзаж.

Раскидистые, высокие тополя, своими толстыми ветвями уже проникали на балкон, устлав гнилые, деревянные доски полового покрытия шуршащим ковром жёлтых листьев. Несмотря на запах собачатины, парк за окном настолько напоминал лес, что даже в осеннюю пору, с полным опаданием листвы, соседние многоэтажные дома даже не проглядыва-

лись сквозь сплетение ветвей, отчего создавалось ощущение глубокой окраины.

Иркутск – город контрастов. Именно его непередаваемый колорит часто манит гостей города вновь посетить его проспекты, улицы и переулки. Только здесь, старые, деревянные избышки, вросшие в землю по окна, могли соседствовать с роскошными, современными Молами с лучшими магазинами со всех концов планеты.

По всей видимости, парк, в начале девяностых, превратился в долгострой. В советское время власти пытались облагородить каждый клочок городской площади. Небольшой, каменный фонтан, окружённый одичавшими кустами акации, превращённый в своеобразную клумбу, виднелся сквозь хитросплетение ветвей, так никогда и не начав свою работу. Небольшие лужи виднелись в трёх его чашах, поставленных друг на друга по принципу пирамиды, и пестрели высоким, увядшим камышом.

– Следующим летом, намучаемся мы с Оксаной Богдановой, бороться с комарами, – пробормотал Евгений Петрович, наблюдая, как деловитая двухвостка, обеспокоенная появлением человека в своих владениях, юрко скрылась среди больших щелей пока, – так, Женя, возьми себя в руки и попрощайся с Михаилом Александровичем. Ты, конечно, больше его не увидишь, но вежливость является гигиеной души.

Как врач, Евгений мог аргументировать свои слова. Муж-

чине остался год-два жизни и скорее всего, данный человек был неизлечимо болен туберкулёзом.

Страшная, опасная болезнь, крайне смертельная когда-то давным-давно, с ростом уровня медицины и повышением качества продуктов питания, была скорее нечастой гостьей в неблагополучных семьях, чем распространённым заболеванием. Конечно, Евгений Петрович ни в коем случае не стал бы рисковать здоровьем жены и мальчиков, поэтому запланировал целый ряд мероприятий по дезинфекции квартиры: хлорка, кварцевание, полная смена покрытия стен, пола и потолка. Только в этом случае Евгений Петрович позволил бы своей родне отпраздновать новоселье.

Сам он, профессионально не боялся никакой заразы. За свою богатую практику Орлов сталкивался со многим, поэтому искренне верил в счастливую звезду, средства профилактики заболеваний, а также в своё, могучее, сибирское здоровье.

Маленьким пациентам Евгений Петрович часто напоминал богатыря – моложавый, плечистый, высокий, сильный. Облачённый в белый халат, черноволосый с поседевшими висками доктор напоминал детям супергероя, поэтому они охотно шли на приём. На сорок пять лет Орлов совершенно не выглядел – с ним по-прежнему заигрывали студентки мединститута, где он читал лекции время от времени, и молодые мамы своих пациентов. К тому же первую часть мероприятий, вместо него должны были осуществить ремонтные

и клиринговые фирмы.

С Михаилом Александровичем, новый хозяин квартиры столкнулся в коридоре. Худые руки больного пациента мило и трепетно сжимали большое, деревянное распятие, которое на вид выглядело как очень раритетный предмет музейной выставки:

– Ваша жена была набожным человеком? – из вежливости поинтересовался Евгений Петрович, кивнув на распятие.

– Что? – смешно, как попугай, встрепенулся всем телом Михаил, – а, вы про это, – он приподнял запястье, разглядывая его со всех сторон своими серыми, грустными глазами, – да, моя дорогая Аня очень верила в Бога, но он ей не помог в трудный момент жизни.

– Что случилось?

– Не стоит, Евгений Петрович. Я понимаю, что ваши вопросы – простая вежливость по отношению ко мне, – старый хозяин довольно небрежно сунул распятие в карман потрёпанных брюк, – я итак отнял у вас непростительно много времени. Прощайте.

Михаил коротко кивнул головой, после чего, пропуская мимо себя грузчиков, вышел за дверь.

– Так что, Петрович, тебя долго гость-то будет ждать? – Цырен, выходя из зала, ещё больше сузил глаза, с осуждением глядя на хозяина квартиры.

– Какой гость? – совершенно не понял о ком идёт речь, Евгений.

– Молодая девушка ждёт приглашения в подъезде. Говорит, что она от агентства по недвижимости пришла, какую-то подпись надо. А вы тут расхаживаете туда-сюда!

– Я думал ты про Михаила...

– Какого Михаила? – Цырен даже повернул голову на бок, с подозрением рассматривая давнего знакомого.

– Ну, бывшего хозяина квартиры, – совершенно запутался в происходящем Евгений Петрович.

– А что с ним?

– Как что? – еле сдержал себя в руках врач, – вот я с ним разговаривал...

– Вы, что, шутить изволите? – Цырен улыбнулся, и в его чёрных зрачках заплясали весёлые чёртики, – ты не мог его видеть. Это невозможно.

– Ой, иди ты! – всё-таки психанул на знакомого Евгений Петрович, – как выйдешь в подъезд, скажи, что пусть в следующий раз не играет в вежливость, а сразу заходит в дом. Наглость – это хлеб в её работе.

– Без проблем, начальник! Так ты видел кого-то или нет?

– Скажи, что я в будущей спальне, – Орлов сделал вид, что не расслышал последний вопрос.

Стараясь охладить свой нрав, Евгений Петрович открыл скрипучую дверь, заходя в просторное, пустое помещение спальни. Солнечный свет давно выжег рисунок на бледно-жёлтых обоях, и лишь в одном месте их поверхность сохраняла первозданный, яркий цвет. В том месте, где на стене

висело распятие. Перевернутое распятие...

Контур религиозного знака был хорошо виден на стене, которая граничила с соседней квартирой. От неожиданности, у Евгения Петровича перехватило дыхание. Он – законченный атеист по своей природе и гностик, неожиданно почувствовал, как неприятный озноб пробежал по спине, выдавая липкое чувство давно забытого страха.

– Евгений Петрович! – от женского голоса новый хозяин квартиры постыдно вздрогнул, – я совсем забыла, что мне нужна подпись в акте приёма-передачи жилплощади.

Молодая, черноволосая девушка, с серой, офисной папкой в руке, одетая в короткую юбку и курточку, совсем не по сезону, словно призрак, возникла из-за спины.

– Каком-таким ещё акте?

– Ну, вы же выкупаете площадь у муниципалитета. Поэтому я должна убедиться, что у нового собственника нет претензий к внутренним коммуникациям, и он несёт ответственность, в случае...

– Стоп! – нагло и бестактно перебил её врач, – а Михаил Александрович кто?

– Какой ещё Михаил Александрович? – в голубых глазах девушки промелькнуло недоумение, – а... вы про того одинокого старика, кто раньше владел жилплощадью?

– Да! – от радости, Евгений Петрович даже шелкнул средним и большим пальцем.

Звук вышел звонким и громким в пустой комнате.

– Я, конечно, не знаю, откуда вы знаете про прошлого хозяина, – девушка резко напряглась, отчего заговорила весьма тихо, – но он умер ещё в девяностые и так как не имел наследников, то эту квартиру забрал муниципалитет с целью дальнейшей реализации. И вы, видимо уже знаете, что прошлый хозяин умер от туберкулёза, отчего мы долго не могли найти новых покупателей. То есть, ввиду новых, открывшихся обстоятельств, вы будете расторгать сделку? Меня уволят...

Свободной рукой, девушка, скривив милое лицо, провела по волосам, обратным движением ладони устало закрывая ладонью глаза.

– Я подпишу акт, – медленно, чуть ли не по слогам, ответил задумчивый врач, – сделка не отменяется.

– Правда? – представительница агентства мгновенно вспыхнула белоснежной улыбкой, – я так рада! Подпишите вот здесь.

С зудящим звуком она быстро раскрыла замок на папке, доставая необходимую бумагу.

– Скажите только, уважаемая...

– Люда. Меня зовут Люда, – с готовностью подсказала девушка своё имя.

– Уважаемая Людмила. А где умер Максим Александрович?

– Да прямо здесь и умер, – Анна перехватила подписанную бумагу, надёжно запирая её в папке, – его только через

полгода нашли, когда он уже мумифицировался. Мы общались со специалистами – пятнадцать лет, достаточный срок, чтобы болезнь полностью ушла из этих помещений, так что вы не волнуйтесь! Итак, последние формальности соблюдены и я удаляюсь. Мы работаем неподалёку. С меня коньяк!

– Не стоит, – грустно помотал приспущенной головой Евгений Петрович, – всего доброго.

– До свидания!

Люда вышла прочь, оставив несчастного, нового хозяина наедине со своими мыслями.

Цырен, галантно пропустил девушку мимо себя, и нагло стал рассматривать её фигуру, пока она не вышла из квартиры. Только после этого бизнесмен нашёл в себе силы продолжить разговор:

– Всё расставили, Евгений Петрович. Всё занесли. Денег с тебя не возьму. Ты очень хорошо помог моему сыну, поэтому взять с тебя плату было бы проявлением свинства с моей стороны.

– Цырен, ты что? Это же моя работа, помогать детям.

– А моя работа состоит в том, чтобы переезды организовывать, Евгений Петрович. Могу себе позволить тебе помочь.

– Цырен, – немного пожевав губы, решился задать волнующий вопрос Евгений, – ты видел мужчину в квартире?

– Прошлого хозяина? – бригадир усмехнулся, – видел, а что?

– Так, ничего, – выдохнул Евгений Петрович.

– Странно, что ты видел, Женя...

– Что?

– Да так, ничего, – рассмеялся Цырен, пародируя ответ доктора, после чего ещё раз осмотрев спальню, вышел прочь.

Глава 2. Семейный совет

Саша и Костя – дети Евгения Петровича шестнадцати и четырнадцати лет, сильно расшумелись за обеденным столом, обсуждая ролик в интернете. В обычном состоянии, Орлов бы не обратил внимания на громкие реплики, за ужином, но Оксана заметила, что супруг раздражённо сморщился и постучал пальцем по столу, призывая к тишине.

– Что-то не так, дорогой?

– Нет, всё хорошо, – виновато улыбнулся Евгений, который очень любил и уважал свою жену – завуча в средней образовательной школе.

– Я же вижу.

– Давай не за столом, дорогая, хорошо?

– Как скажешь.

– Спасибо пап, спасибо мам, – ребята взвились из-за стола, намереваясь удалиться в свой угол студии, который был превращён в своеобразную комнату, отгороженный сразу несколькими шкапами.

– Вы почти ничего не поели! – возмутилась Оксана Богдановна, – я для кого старалась и всё это готовила?

И правда, в честь столь грандиозной покупки, хозяйка весь вечер провела у плиты, изготовив в духовке, целую курицу, запечённую с луком и чесноком внутри, картофельное

пюре и сразу несколько салатов, среди которых всегда присутствовал горячо любимый мужем салат «Оливье».

Ребята не услышали вопрос матери или не хотели услышать. Исчезнув в проёме между шкафами, они синхронно надели наушники, и погрузились в компьютерную игру, поставленную на паузу. Вскоре, студию наполнили тихие, приглушённые звуки стрельбы и разрывов гранат.

– Костя скоро совсем посадит глаза, – покачала головой любящая мама, – его прошлые очки в минус три диоптрии, уже не компенсируют его потерю зрения.

– Это врождённое, дорогая. В шестнадцать сделаем ему операцию на глаза, а пока уговаривать его оставить игры – дело бесполезное. Мы ведь пробовали. Тогда нужно, чтобы и Саша прекратил играть. А это невозможно, учитывая его юношеский максимализм.

Раздражённо дёрнув плечами, Оксана Богдановна принялась убирать со стола, высвобождая место под заварник с чаем. Евгений Петрович был известным любителем этого напитка, поэтому небольшие шкафчики кухонного уголка содержали на своих полках огромный набор сортов и травяных сборов.

Пока Оксана уносила широкий разнос с недоеденной курицей, Евгений Петрович невольно залюбовался своей супругой: стройная, подтянутая, высокая женщина не была похожа на маму двоих детей. С Евгением они провели в браке двадцать лет и за все эти годы, образ русоволосой, зеленогла-

зой красавицы несколько не надоед счастливому мужу. Уроженка восточных регионов России, Оксана Богдановна могла похвастать смуглой кожей и длинными ногами, чем всегда притягивала взоры старшеклассников на школьных собраниях.

У природы своеобразное чувство юмора, особенно когда дело касается генома. Первый ребёнок в семье – Саша, вырастая в юношу, становился всё больше похожим на своего отца – точно такая же мощная, коренастая фигура, опережающая по развитию свой возраст и большие, карие глаза. В свою очередь Костя, был строен и утончён, как мама, только волос его был более светел, потому что по материнской линии, в семье Оксаны Богдановны, через поколение, часто появлялись блондины.

Несмотря на внешнюю несхожесть, душой два брата были по-настоящему родственны. Большую часть времени они проводили вместе, при этом старший всегда заступался за младшего, а младший, никогда не выдавал шалости старшего. Подобная сплочённость братьев имела как благие, так и негативные последствия.

Ввиду личных убеждений Оксаны Богдановны, братья учились в другой школе, где не работала завучем их властная мама. Поэтому, оставаясь без присмотра, братья часто хулиганили, а отец и мама, в порядке очереди, вызывались на ковёр в учительскую.

В тайне, Евгений Петрович одобрял незлобные шалости

сыновей. Он не видел ничего страшного в том, что они могли сорвать урок, или в том, что иногда братья категорически отказывались выполнять некоторые домашние задания – Евгений Петрович и сам не отличался в школе примерным поведением и лишь в одиннадцатом классе взялся за ум. Однако он прекрасно понимал негодование супруги, которая прекрасно понимала, что отвратительно выглядит в глазах коллег из другой школы, не имея реального способа воздействия на собственных сыновей – ремня они не боялись, а на словесные замечания реагировали немедленно и с уважением, но запал быстро растворялся в течение последующей недели.

– Так что с тобой произошло? – Оксана села напротив мужа, облокотившись локтями о круглый стол, – ты даже оливье не поел, как следует. Заболел? Или с квартирой, что не так?

– Всё так, дорогая.

– Ой, не ври. Не гневи меня. Я знаю тебя как облупленного!

– Оксана, – с трудом, Евгений Петрович подбирал слова, – у тебя когда-нибудь случалось такое помутнение сознания, когда мерещилось разное?

– Не припомню. Вроде нет.

– А у меня на квартире случилось. Со мной разговаривал человек, которого не должно было быть. И я, как врач, не нахожу какого-либо логического объяснения, кроме как короткого помутнения рассудка.

– Что за человек? – глаза Оксаны сузились, вопросительно впившись в глаза супруга – признак предельной обеспокоенности женщины.

– Бывший хозяин, который давно мёртв, – нервно и шумно сглотнув, ответил ей Евгений и полностью рассказал всё то, что произошло на новой квартире.

– Послушай меня, дорогой мой, – вдумчиво выслушав эмоциональный рассказ, спокойно ответила жена, – если ты считаешь, что это помутнение рассудка – будь, по-твоему, пусть даже учитывая и то, что Цырен Амгаланович тоже видел его. Но ты не мог предположить, что это какой-то бомж просто воспользовался твоей доверчивостью и проник в квартиру?

– Нет! Я помню прошлого хозяина! Я встречался с ним перед покупкой...

– А ты вспомни, как выглядел хозяин и сопоставь его с внешностью недавнего визитёра. Ну, попробуй.

Евгений Петрович глубоко погрузился в себя, пытаясь вспомнить мельчайшие подробности одного человека. Или двух разных людей? Получалось весьма трудно – Орлов редко запоминал внешность человека, если не собирался с ним общаться впоследствии. Мужчина под аркой говорил громко и бодро, всё время оставаясь в тени. Неведомый же визитёр мог быть просто соседом... или мошенником, который знал о наличии ценного раритета в одной из комнат. Находя всё больше нестыковок, каждой зацепкой Евгений Петрович

успокаивал себя.

Спасительные, логические цепочки, выстроились в целую сеть домыслов и рассуждений, спасая Евгения Петровича из липкого болота страха, источником которого были опасения за сохранность собственного рассудка.

Счастливо высказав большинство догадок вслух, Орлов с удовольствием нашёл отклик на большинство из них, в доводах и мыслях своей супруги. В конечном итоге, допив третью кружку чая, он настолько успокоился, что позволил себе развеселиться:

– Да чёрт с ним, с этим распятием! – широко улыбался усталый врач, – забрал и забрал. Это намного лучше, чем оказаться безумным. Как говорил Александр Сергеевич Пушкин: «Не дай мне Бог сойти с ума, уж лучше посох и сума». И я полностью согласен с этим светилом русской литературы!

– Вот и хорошо, – Оксана Богдановна властно подняла руку, прерывая рассуждения мужа, которые итак растянулись почти на час, – но и я и ты очень устали. Поэтому умывайся, гони мальчишек в постель и пошли в кровать – завтра трудный, рабочий день.

– Да, – согласно закивал головой Орлов, – мне ещё завтра нужно клиринговую компанию найти и начать поиск ремонтников.

– Тем более! И... – Оксана Богдановна встала со стула, – я очень рада, что наши планы по приобретению квартиры не

изменились. Мне надоело заниматься сексом как школьниками, боясь, что обнаружат ребята.

– Оксана, тише! Дети услышат.

– Они в наушниках, дорогой. Ты знаешь это...

Спал Евгений Петрович беспокойно. Его лоб пылал жаром, а кожу ломило так, словно тысячи маленьких иголок терзали плоть одновременно – признак тяжёлой простуды, которую он приобрёл на осенних сквозняках, руководя расстановкой мебели в новой квартире. От этого и сон вышел жутким, непонятным, противоречивым.

Орлову снился Максим Александрович, который стоял на коленях посреди спальни, повернувшись лицом в сторону соседской стены. По всей видимости, его подсознание пыталось обрисовать комнату так, будто на дворе сейчас были девяностые годы. На бордовом, свежеевыкрашенном полу лежал красный, тёплый ковёр, а спальня была заставлена дешёвой, деревянной мебелью, по тёмно-коричневому цвету которой, Евгений Петрович, наблюдавший за мужчиной со стороны двери, определил что вся обстановка в этом помещении прямиком из Советского Союза.

Кроватей было две – металлические, выкрашенные в белый цвет, они были застелены несколькими матрацами и на одной из них, к собственному ужасу, Евгений Петрович заметил мумифицированный, коричневый труп старой женщины. Незнакомка была одета в зелёное, выцветшее платье,

длинною до голых, высушенных лодыжек, а на голове покойницы красовался знаменитый, Оренбургский платок.

– Отче наш, иже си на небесех, – раскачиваясь вперёд-назад, слегка нараспев говорил Михаил, – да светится имя твоё, да пребудет воля твоя...

Дальше, слов молитвы, по всей видимости, Михаил не знал, и потому, первые строчки, складывались в бесконечный цикл монотонных повторений.

За окном стремительно темнело. Так стремительно, как это может происходить только во сне. Ясный, весенний, майский день, быстро серел, превращаясь вместе с вечерними сумерками, в унылый, осенний пейзаж.

Неожиданно, зашумели трубы и чугунный радиатор системы отопления. Вода, громко зажурчала по внутренним полостям, складываясь в бесконечно повторяемые слова: «Он ждёт. Он идёт. Он ждёт. Он идёт».

Из белой, сквозной розетки старого образца, через отверстие для электрической вилки в которых можно было увидеть свет соседей, если бы он был. Но вместо свечения, со скрежетом протискиваясь сквозь узкий лаз, склизкими, отвратительными пучками, в спальню, где молился Михаил, лезли жирные двухвостки, с мягкими шлепками падая на чистый пол. С их появлением запахло так, что и у бестелесного Евгения подвело живот тяжёлым, рвотным позывом, который он еле сдержал, зажав рот ладонями.

На появление насекомых среагировал и Максим Алексан-

дрович. Он резко побледнел и натужно закашлялся, спиной, при помощи рук, пятась к противоположной стене, отчего немного напоминал странного, худого рака. С приходом насекомых, холод ворвался в помещение через распахнувшуюся форточку, быстро покрывая инеем пол и общую стену с соседней квартирой. От резкого перепада температур затрещали доски и деревянный подоконник, а окно, стали стремительно затягивать белые узоры невероятной красоты, чего ныне уже не встретить на современных стеклопакетах.

Было ли страшно в этот момент Орлову? Нет. Скорее интересно. Он часто осознавал себя во сне и воспринимал ночные грёзы не иначе как производное от деятельности слабоизученного подсознания. Поэтому, искренне считал, что совершенно не стоит бояться того, что происходит внутри себя самого. Перелетев в дальний, противоположный угол ближе к окну, Евгений Петрович стал с неподдельным вниманием, как за добротным кино, наблюдать за происходящими метаморфозами в помещении.

Трубы рядом с ним зашумели сильнее, срываясь на громгласный хохот невидимых вод.

Максим Александрович, в позе эмбриона, свернулся калачиком на полу и изо рта его, маленькими облачками, выходил пар. Заскрипели пружины, заставив Евгения Петровича обернуться и перевести взгляд на ближайшую кровать.

Маленькая, мёртвая женщина, медленно села на матрасе, со скрипом сухожилий, повернув голову сначала в сторону

Орлова, а затем в сторону мужа. Мертвячка попыталась открыть зажмуренные глаза, которые давно ссохлись, превратившись в пустые, рыбы зрачки, которыми грустно взирают на покупателей щуки и окуни через стекло прилавков:

– Ты не рад мне дорогой? – сипло, невнятно, хрипло, пробурчало отвратительное существо, – не ты ли звал меня ночами, когда я ушла? Вот я. Перед тобой. Ты не рад мне дорогой?

Встать у покойницы не получалось – ноги совсем разрушились, но руки, длинные и худые, цепкими пальцами ухватились за края кровати, стаскивая труп на пол.

Жена Михаила Александровича не стала терзать его. Вместо этого, оставляя вырванные ногти в досках пола и ковре, она проползла до двери. Удаляться прочь она не спешила. Вместо этого мёртвая женщина медленно обернула голову в платке на пороге назад, на 180 градусов, отчего хрупкая шея буквально скрутилась в жгут, после чего позвала супруга за собой:

– Пойдём! Своей магией ты хотел оживить меня, но получил портал такой силы, что эта комната превратилась в сумеречную зону между мирами. Пойдём, Михаил, иначе моя душа обречена, гореть вечность, терзаемая адским огнём. Пойдём к нему и к твоему другу. Или ты не мужчина, мой дорогой муж?

– Я мужчина! – заплакал Максим Александрович, поднимаясь на дрожащих ногах, – у меня никого нет, кроме тебя,

Аня! Никого. И чтобы быть с тобой, я спущусь и в адские просторы.

«Да он безумен!» – неожиданно понял Евгений Петрович, анализируя бегающий, суетливый взгляд бывшего хозяина квартиры, который ни на чём не мог задерживаться долго, – «и именно поэтому творил с телом жены отвратительные вещи, не в силах расстаться со своей земной привязанностью!».

Странная пара вышла прочь. Увлечённый историей, Евгений Петрович полетел вслед за Максимом и мертвячкой, вскоре оказавшись на небольшом пяточке общего тамбура между двумя квартирами. Дверь по соседству – зелёная, железная и массивная, была открыта настежь, зияя тёмным провалом коридора, застеленного бордовой дорожкой.

– Приветствую вас, хозяин! – прокаркала противная бабка, переползая через острый порог, отчего платье, зацепившись за металлический выступ, было сорвано с её тела, – они пришли!

– Кто... они? – выдохнул сам коридор, исказившись, будто под потоком текущей воды.

Евгению Петровичу показалось, что странная тень мелькнула в конце коридора, наполняя пространство квартиры ледяным дыханием смерти. Было столь темно, что Орлов просто не мог разглядеть массивный, вытянутый силуэт, материализовавшийся из тьмы.

– Мой муж и новый владелец квартиры, – голая женщина

в платке, всё дальше заползала вглубь бесконечного коридора, уводя за собой безумного супруга, который шёл вслед за женой, как агнец на заклание.

Евгений Петрович замешкался на пороге. Сон стал настолько необычным и реалистичным, что даже закоренелый атеист усомнился в его безопасности.

– Почему... стоит... на... пороге? – запульсировало пространство с каждым словом, – почему... не... входит?

– Не знаю, хозяин, – тело мертвячки почти скрылось в темноте, отчего и голос, почти растворился в пространстве, став тихим и далёким, – может ещё не пришло время. Но он войдёт. Я обещаю.

– Мне... нужно... тело.... Мне...нужно... новое...сильное... тело, – пульсировал коридор, всё больше вытягиваясь в длину и наливаясь тьмой, – и... ты придёшь... Женя... и ты... придёшь... и отдашь... своё...

– Зачем мне идти к тебе и чего-то там отдавать? – закричал Орлов, стараясь, чтобы голос не дрогнул от приступа первобытного ужаса – Мне и здесь хорошо!

Ответил Михаил, перед тем как окончательно раствориться во тьме:

– Все приходят за кем-то или за чем-то, Женя. И все зовут следующего визитёра за собой. Ночные земли ждут тебя. Ты нужен им. Ты – проводник между мирами.

Прошлый хозяин говорил тихо и спокойно, отчего подозрения в его безумии полностью улетучились. На проща-

ние, худой, чернобородый мужчина помахал рукой и зелёная дверь, с лязгом и грохотом, захлопнулась прямо перед носом Евгения Петровича.

Глава 3. Интернет помнит всё

Врач проснулся от натужного кашля, сотрясаясь всем телом и чувствуя дикую нехватку воздуха, с хриплым всхлипом сел на кровати, стараясь сделать спасительный вдох, как утопающий, на секунду вынырнув из вязкой воды. Грудь жгло огнём, отчего мужчина, терзаемый болью, стал интенсивно растирать область бронхов и верхнего отдела лёгких. Получалось очень плохо – во-первых не было сил, а во-вторых тело было настолько мокрым, что ладони не были способны создать разогревающего трения.

Рядом с кроватью, в длинной, ночной рубашке, на кухонном стуле, принесённом в угол для сна, сидела Оксана Богдановна и задумчиво смотрела на страдания своего мужа.

– Давно не спишь? – спросил её супруг, когда приступ кашля отступил, стараясь, во что бы то ни стало не выказать слабости перед лицом любимой женщины.

– Как ты кашлять начал, так и не сплю. Что с тобой, дорогой? Ты настолько мокрый, что от тебя пропиталась влагой простыня.

– Простая простуда, – измученно улыбнулся детский терапевт, постепенно понимая, что диагноз, скорее всего намного серьезнее, – не волнуйся. Сейчас выпью парацетамол...

– Не ври мне, эскулап! – гневно и горячо зашептала рас-

серженная жена, не желая будить детей – мне хватает знаний, предположить, что это минимум бронхит! Те же симптому были у Кости три года назад, когда он перекатался на катке в мороз!

– Тебя не обманешь, – усмехнулся Орлов, – но мне надо восстановиться до утра. У меня сегодня столько пациентов...

– Уже утро, Женя! Как ты не понимаешь? Сейчас же не лето, в конце концов! Тебе на работу через два часа.

– Вот чёрт, – злобно выругался мужчина, – и что же делать?

– Звони Пелевину, Женя. Прямо сейчас. Он ценит твой профессионализм, поэтому даст отгул. А там, скорее всего, придётся идти на больничный.

– Но я никогда...

– Знаю, что ты никогда не был на больничном, дорогой! – Оксана встала со стула и осторожно села рядом с мужем, заключая его в объятия, – но всё бывает в первый раз. Мы с тобой не молодеем, дорогой. Ради меня, позвони хозяину клиники.

– Владимир Иванович будет вне себя от ярости, – как маленький ребёнок, Орлов прижался к большой и тёплой груди супруги, – просто вне себя.

– Ничего страшного, дорогой. Это не прихоть – это необходимость. Звони, – Оксана Богдановна протянула свой старый, кнопочный телефон, который давно просил замены.

Номер Евгений Петрович набрал по памяти Только со второго раза, хозяин клиники, Владимир Иванович, взял трубку, несмотря на шесть часов утра:

– Да, Евгений Петрович. Что-то произошло? – спокойный, зычный голос большого, авторитетного мужчины, раздался из динамика.

Он нисколько не удивился, что его подчинённый звонил с номера жены. Такое уже неоднократно происходило за время их сотрудничества.

– Владимир Иванович. Мне нужен отгул. Срочно, – Орлов говорил спокойно, сопротивляясь новому спазму, который, терзая горло, рвался из груди.

– Один? – опытный руководитель, прекрасно зная гиперответственность своего подчинённого, даже не стал спрашивать о причинах столь неожиданной просьбы.

– Пока да. Но, возможно, придётся открыть больничный лист в поликлинике.

– Понял, – коротко ответил Пелевин, – возьми два. Я попрошу секретаршу обзвонить твоих пациентов и перезаписаться к твоему коллеге, в соседнюю клинику. Отдыхай, Женя. Я слышу, как сипло ты говоришь.

– Спасибо, Владимир Петрович!

– Спасибо на хлеб не намажешь. Должен будешь. До связи.

Пелевин – бывший, военный врач, который прошёл ни одну горячую точку, с виду был очень грубым и чёрствым мужчиной, но на самом деле являлся человеком широчайшей ду-

ши, в чём Орлов в очередной раз убедился в начале седьмого утра.

– Отпустил? – взволновано спросила мужа Оксана, едва тот прервал связь.

– Да, – закивал Евгений Петрович, задыхаясь в новых раскатах кашля.

– Вот и хорошо! Я сама увезу мальчиков в школу и приготовлю завтрак. А пока заварю тебе жаропонижающий порошок. Тебе нужно выспаться, дорогой. Сон – лучшее лекарство.

– Так моя мама говорила, – Орлов лёг в кровать, по горло, укутываясь в одеяло, – это я ещё помню.

– Сирота ты моя, казанская, – вздохнула Оксана Богдановна, зная детдомовское прошлое своего мужа, – спи. Я всё принесу.

– Оксана Богдановна...

– Что, Евгений Петрович?

– Поменяй свой телефонный агрегат. Связь он уже не держит – одни помехи и скрипы. Говорить невозможно.

– Хорошо. Выброшу на днях и куплю новый аппарат, – Оксана согласилась на обновку только потому, что не хотела спорить с большим мужем, расстраивая его.

– Люблю тебя! – зажмурив глаза, шепнул мужчина, понимая, что счастлив, несмотря на болезнь.

– И я тебя люблю. Всею душой, мой родной!

Жаропонижающее средство подействовало как снотворное. Проснувшись в двенадцать часов дня, чего не случилось с Евгением Петровичем уже пару лет, сонный мужчина ошарашено сел на кровати, рассеяно оглядываясь по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.